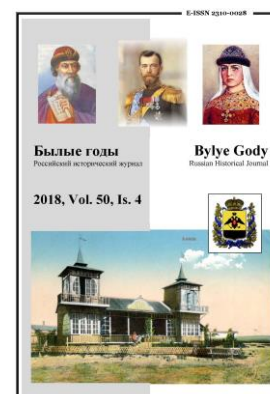

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1725-1733. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1725
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Conservatism of the beginning of the 20th century: Between Dogma, Illusion and Reality

Konstantin N. Tarasov ^{a, *}, Elena Yu. Mokerova ^a, Evgenia N. Nemchaninova ^a, Ekaterina V. Bykova ^a

^a Vyatka state university, Russian Federation

Abstract

The article represents the analysis of the socio-political program of the Russian right monarchic movement of the beginning of the 20th century. Studying of historical experience Russian right is represented very relevant in modern conditions of search of optimum ways of development of the country. The base of sources is made by materials of the leading right periodicals, official documents of monarchist parties and organizations, documents of personal origin. In the center of a research – studying of specifics of a ratio and interference of ideology and practice of the Russian conservatism from this point of view his relations to modernization processes. Social and economic projects of the Russian conservatives, the political program and the national and confessional doctrine of the domestic right monarchic movement of the beginning of the 20th century have been analysed. An assessment of extent of influence of the Russian historical process of 1900-1917 on evolution of the right ideology is given. Also weaknesses are revealed its strong. Authors have come to a conclusion that domestic conservatism of the period of the late empire has tried to create the program of national focused modernization of the country alternative to more radical liberal and socialist. The strength of the right ideology was that she has most sharply shown and sought to rethink contradictions of the Russian modernization. However act as a factor of stabilization of social and political development the Russian right couldn't. They underestimated positive sides of modernization, held archaic socio-political institutes. The main reasons of defeat of the Russian right steel radicalization of public moods and activation of activity of political opposition, especially in the conditions of wartime. Being incapable to accept real historical process, conservatives lost on it influence more and more. By the time of the crash of the monarchy the right camp was in the most disorganized state in comparison with other political forces.

Keywords: conservatism, ideology, Russian Empire, parliamentary system, tradition, modernization, monarchist parties, political process.

1. Введение

Идеология и практика российского консерватизма начала XX в. продолжает оставаться одной из наиболее динамично развивающихся направлений современной исторической науки. Обращение к этому пласту отечественной истории объясняется не только академическим интересом. Взятый в начале 1990-х гг. курс на либерализацию всех сфер жизни российского общества уже к концу десятилетия себя исчерпал. Вступление страны в новый век сопровождалось поисками оптимального пути развития. Необходимость ориентации на собственный исторический опыт стала очевидна. Российские реалии начала XXI в. в этом отношении напоминают ситуацию начала XX в. Тогда патриотические силы (прежде всего, их ядро в лице правомонархического движения) стремились выработать и реализовать проект национально ориентированной модернизации. Поэтому изучение исторического опыта российских правых начала XX в. представляется весьма актуальным в современных условиях поиска оптимальных планов развития страны. Начало XX в. – это время формирования в России политических партий и институтов народного представительства. Среди

* Corresponding author

E-mail addresses: tar-87@mail.ru (K.N. Tarasov)

прочих сформировалось российское правомонархическое движение, ядром которого стали партии правого толка. Российский консерватизм оформился организационно, стал важным фактором политического процесса.

Объектом данного исследования выступает социально-политическая программа (идеология) отечественного правоконсервативного движения начала XX в., предметом – отношение правых к проблемам модернизации (понимаемой как переход от традиционного общества к индустриальному) российского общества периода поздней империи. Цель исследования – изучить специфику соотношения и взаимодействия идеологии и практики российского консерватизма под углом зрения его отношения к модернизационным процессам (в экономике, социальной и политической сферах, в межнациональных и межконфессиональных отношениях), пик которых в России пришелся на начало XX в.

2. Материалы и методы

Исследование основано на источниковой базе, которую составляют следующие группы документов: 1) материалы ведущих правых периодических изданий. Пресса позволяет выявить реакцию консервативно настроенных политиков и идеологов на те или иные конкретные события и явления социально-политической жизни страны. Периодика как нельзя лучше показывает преломление базовых принципов консервативной идеологии в политической практике; 2) документы правых партий и организаций (протоколы съездов, стенограммы заседаний, доклады и т.п.). Эти материалы отражают официальную позицию правых политических сил по различным вопросам общественной жизни; 3) научно-теоретические трактаты социально-политической тематики. К сожалению, работ в этом жанре российские консерваторы начала XX столетия оставили немного. Но и в тех трудах, которыми мы располагаем (Тихомиров, 1998), содержатся ценные сведения о главных постулатах социально-политической доктрины отечественного консерватизма; 4) документы личного происхождения, прежде всего дневники и письма консерваторов. Этот вид источников содержит интересные замечания ряда известных представителей «черной сотни», которые по ряду причин нельзя было высказать публично. В целом, источниковая база достаточна для решения поставленных задач.

Исследование основано на базовых принципах исторического познания – детерминизма, историзма, системности. Также был задействован метод структурно-функционального анализа. Он использовался при изучении социально-политических проектов консерваторов, в которых общество предстает сложной динамической системой на стадии модернизации. Кроме того, применялись специально-исторические методы – историко-генетический (при выявлении логики развития идеологии консерватизма на протяжении 1900–1917 гг.), сравнительно-исторический (при выделении общего и особенного во взглядах различных представителей консерватизма), историко-системный (в ходе комплексного анализа разных групп источников).

3. Обсуждение

Социально-политическая программа российского консерватизма начала XX в. является дискуссионной и активно развивающейся темой в изучении истории российской правой. Регулярно вводятся в оборот новые источники, особенно документы личного происхождения, публицистика. Значительный вклад в изучение означенной тематики внесли монографии А.А. Иванова (Иванов, 2006), Д.А. Коцюбинского (Коцюбинский, 2001), М.Н. Лукьянова (Лукьянов, 2001), А.В. Репникова (Репников, 2014) и др. В них проанализирован обширный корпус источников, обозначен круг проблем и предложены научно-поисковые стратегии для других исследователей идеологии отечественного консерватизма. Вместе с тем сравнительно небольшое количество монографий, посвященных такой неисчерпаемой теме, указывает на то, что изучение общественно-политической программы российского консерватизма находится на стадии становления.

На сегодняшний день недостаточно изученными остаются социально-экономические проекты консерваторов, которые, в отличие от заимствованных с Запада либеральных и социалистических, стали важным шагом в деле создания российской школы экономической мысли. Только начинаются попытки освоения идейного наследия фигур правомонархического движения «второго плана» (что не означает отсутствия оригинальности в их взглядах) – А.С. Вязигина, Т.В. Локотя, В.Л. Величко, П.Ф. Булацеля, Г.Г. Замысловского и многих других. Немало еще предстоит сделать для научного анализа национально-конфессиональной доктрины российского консерватизма.

Следует учесть, что идеология правоконсервативного движения рассматривалась либо в узких хронологических рамках (1907–1914 гг. или 1914–1917 гг.), либо исследовались отдельные темы и сюжеты (экономические взгляды, политическая программа и т.п.) вне их взаимосвязи между собой и вне исторического контекста. Поэтому возникла настойчивая потребность создать комплексное исследование идеологии российских правых за весь период 1900–1917 гг., в котором во взаимосвязи были бы рассмотрены основные направления и проблемы общественно-политической программы консерваторов всех оттенков – от крайне правых до национал-демократов. Данное исследование является начальной попыткой заполнить означенную лакуну отечественной историографии.

4. Результаты

Российские консерваторы начала XX в. были свидетелями небывалого промышленного подъема, банковского бума, развития городов с их особым, отличным от деревенского досугом, структурами повседневности, нормами морали. Развитие капиталистического уклада в экономике оказывало серьезное влияние на трансформацию социальной структуры, политической системы, вносило свои коррективы в межнациональные и межконфессиональные отношения, положение Русской православной церкви, сферу семьи и морали. Интенсивные общественные процессы стимулировали идеологические поиски российских консерваторов, в том числе и в социально-экономической сфере. Вместе с тем следует признать, что экономические вопросы оставались наименее проработанными в общественно-политической программе российских правых. Их экономические проекты во многом базировались на морально-этических принципах, но недостаточно учитывали специальные экономические аспекты: конъюнктуру мировых рынков, соотношение импорта и экспорта, курсы валют и т.п. Недостаточное внимание к собственно экономическим вопросам сыграло злую шутку с российскими консерваторами. В наступавшем XX в. – веке бурного развития производства, науки, техники и технологий – претендовать на успех могла только та идеология, которая учитывала объективные социально-экономические трансформации. В этом отношении оппоненты консерваторов – либералы и социалисты – оказались в более выигрышном положении.

Изучение источников позволяет выделить краеугольные основания экономической программы российской правой начала XX в. Во-первых, это приоритетное развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленным производством (Ярмонкин, 1908: 6). Русское крестьянство оставалось для консерваторов главным оплотом традиционной социальной структуры и социальных отношений, разрушающихся под воздействием капитализма и индустриализма, отношение к которым у большинства правых было, мягко говоря, настороженное. Патриархальный мир русской деревни, который к началу XX в. уже, по сути, перестал быть реальностью (Безгин, 2017: 18), продолжал оставаться иллюзией в сознании многих консерваторов. Промышленность, крупное заводское производство выступало атрибутом индустриальной эпохи, разрушавшей традиционные социальные отношения, привычный быт, повседневность.

Во-вторых, правыми отстаивалась необходимость достижения экономической независимости России от европейских стран (Шарапов, 1908: 33). Как показал ряд современных исследований, у консерваторов вполне имелись основания для опасений за самостоятельность российской экономики, особенно в финансовой сфере (Бородкин, 2001: 242–268). План решения данной проблемы предложил известный правый экономист С.Ф. Шарапов, создав свою известную «теорию бумажного рубля». Он утверждал, что введенные С.Ю. Витте золотое обеспечение и конвертируемость рубля определили зависимость русской национальной валюты от европейских, способствовали оттоку русских капиталов за рубеж, играли на руку биржевым спекулянтам. В качестве альтернативы экономист предлагал перейти к биметаллизму (серебряно-золотому обеспечению рубля, как, например, во Франции), строго контролировать наличную массу бумажных денег, резко ограничить внешние займы. В правом лагере у С.Ф. Шарапова имелось немало сторонников, например небезызвестный С.В. Бутми (Бутми, 1911).

В-третьих, консерваторы выступали за преодоление разбалансированности развития промышленности и сельского хозяйства. Ряд представителей российской правой верно подмечали, что подъем промышленности в России не сопровождается ростом душевых доходов населения, особенно крестьян. Вывод напрашивался сам собой: промышленный бум в стране во многом обеспечивается изъятием ресурсов из деревни, обостряя социальные противоречия (Гурко, 1909: 79). При этом альтернативных источников модернизации правые не предлагали.

И наконец, насущной необходимостью считалось введение усиленного контроля над кредитно-банковской системой, ограничение биржевых спекуляций, кредитование, прежде всего мелкого и среднего отечественного производителя, а не крупных финансово-промышленных монополий (Щербатов, 1908: 81).

Важно также подчеркнуть, что российские консерваторы оставались убежденными сторонниками института частной собственности. При этом они подчеркивали опасность неконтролируемого роста социального неравенства (Вязигин, 2008: 39–52).

Напрямую с предложениями организации народного хозяйства были связаны представления консерваторов по вопросам социальной структуры.

Во-первых, правые выступали за всемерную поддержку государством тех социальных групп, положение которых ухудшалось вследствие развития капиталистических отношений. Речь шла о поместном дворянстве и общинном крестьянстве. Помещичьи хозяйства, по мнению консерваторов, следовало кредитовать на более мягких условиях, ограждать от притязаний крупных земельных собственников из других социальных групп (Пасхалов, Шарапов, 1909). Неоднозначно относились правые к столыпинской аграрной реформе. Лидеры и ряд известных членов правых партий, например, Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, Н.Д. Облеухов и др. либо безоговорочно поддерживали инициативы премьера в крестьянском вопросе, либо высказывались за внесение незначительных корректировок в правительственный курс, таких, как замена личной собственности семейной,

недопущение концентрации большого количества земли в одних руках (Лукьянов, 2001: 77–78). Однако большинство представителей консервативной социально-экономической мысли (Г.А. Шечков, С.Ф. Шарапов, В.А. Образцов и др.) высказывались категорически против разрушения общины. Они предупреждали о негативных последствиях разделения крестьянства на общинников и хуторян (отрубников), неизбежной пролетаризации значительной части крестьянства, утрате соборных традиций деревенского быта (Образцов, 1910). В качестве альтернативы реформе П.А. Столыпина предлагалось развитие кооперации помещичьих и общинно-крестьянских хозяйств, развитие агрикультуры.

Вторым важным аспектом социальной программы правых выступал рабочий вопрос. Многие представители правого лагеря хорошо осознали его растущую остроту. Наиболее развернутый проект решения рабочего вопроса предложил, пожалуй, крупнейший теоретик отечественного консерватизма начала XX в. Л.А. Тихомиров. В его основе лежали идеи прусского социализма, когда государство выступало арбитром в решении противоречий между наемным трудом и капиталом. Тихомиров отмечал необходимость создания содержавшего социальные гарантии рабочего законодательства, привлечения предпринимателей к решению бытовых вопросов жизни своих рабочих, более активной организации рабочих касс взаимопомощи и других мер, повышающих социальную защищенность пролетариата (Тихомиров, 1909: 41, 56–64). При этом справедливости ради стоит сказать, что некоторые консерваторы (например, князь В.П. Мещерский) были склонны отрицать рабочий вопрос, видя в рабочих обычных крестьян, временно пребывающих в городе на заработках. Иллюзорность такого подхода очевидна, учитывая тогдашний высокий уровень концентрации рабочего класса в крупных промышленных центрах.

И наконец, сторонники сословно-корпоративной модели общества, российские консерваторы начала XX в. даже предлагали меры по сословно-корпоративному оформлению новых социальных групп (рабочих, буржуазии, интеллигенции и других) по примеру традиционных сословий – дворянских обществ, крестьянских общин (Попов, 2005: 111). Предполагалось придать новым классам статус традиционных сословных групп. Это, по мысли правых, должно было упорядочить чрезвычайно усложнившуюся социальную мозаику в России (Тихомиров, 1912: 22).

Следует признать, что социальная программа правых не была лишена ряда серьезных противоречий. Во-первых, это наивная уверенность в том, что в рамках одного общества возможно согласовать интересы социальных групп, принадлежавших к разным укладам – феодальному и капиталистическому. Во-вторых, стремление разрешить рабочий вопрос так или иначе заставляло правых заимствовать ряд положений левой идеологии, что ставило их в неоднозначное положение. Причем противоречия возникали не только в идеологическом плане, но и в плане практической реализации. Весьма показателен в этом смысле опыт «зубатовщины». И наконец, явно не оправдала себя ставка на те социальные слои, которые вымывались модернизацией (дворянство, общинное крестьянство), не вписывались в формирующуюся общественно-политическую модель. Вместе с тем российские консерваторы предупреждали о возможных разрушительных последствиях ускоренной модернизации страны – росте социальных противоречий, усилении экономической зависимости от Европы, наступлении на власть либеральной и радикальной оппозиции.

В XX столетие российские правые вошли с политической идеологией, сформированной еще в веке предыдущем такими мыслителями, как Н.М. Карамзин, А.С. Хомяков, С.С. Уваров, К.П. Победоносцев, К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков. Однако динамичный политический процесс начала XX в., внесший в 1905–1907 гг. существенные коррективы в традиционный самодержавный государственный строй, стимулировал российских консерваторов адаптировать свое политическое учение под новые реалии. Российским правым пришлось по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений государства и общества. Новая обстановка настоятельно требовала вовлечения народных представителей в политическую жизнь страны.

В начале XX в. лагерь консерваторов разделился на противников и сторонников введения в стране учреждений народного представительства – Государственной Думы и обновленного Государственного Совета. К принципиальным противникам ограничения законодательной монополии самодержавной власти следует отнести лидера Российской монархической партии В.А. Грингмута, лидера ВДСРН А.И. Дубровина, редактора газеты «Гражданин» В.П. Мещерского. Сторонниками введенного представительства являлись известные политики Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, главный идеолог Всероссийского национального союза М.О. Меньшиков. Идею учреждения в России органов народного представительства, но не по западному (партийно-парламентскому) образцу, а с опорой на национальные традиции Земских соборов и местного самоуправления выдвигали известные теоретики российского консерватизма Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шарапов, К.Н. Пасхалов.

Противники представительства были уверены в неспособности общества руководить страной (Грингмут, 1908). Пожертвовать идеей народовластия в целях сохранения самодержавия и государственной целостности страны призывал В.П. Мещерский (Мещерский, 1905: 14). Редактор газеты «Московские ведомости» Л.А. Тихомиров, напротив, развивал тезис о совместимости самодержавия и народного представительства. Он убеждал своих читателей в бесперспективности реакции и воспринимал правый радикализм такой же угрозой государственному строю, как и левый

экстремизм. По мысли Л.А. Тихомирова, царская власть и представительные учреждения дополняют друг друга, обеспечивая взаимодействие власти и общества. Однако при этом подчеркивалось, что субъектом реформирования политической системы должно выступать самодержавие (Меньшиков, 1912). Представитель неославянофильства С.Ф. Шарапов развивал идею союза трех субъектов – царской власти, частного лица и квазисословных корпораций, создаваемых по профессиональному и территориальному принципам (НИОР РГБ. Ф. 265. Оп. 1. Картон 134. Ед. хр. 5. Л. 33).

В целом, за исключением ряда правых партийных лидеров, российские консерваторы очень скептически относились к государственному строю «думской монархии». Монархисты опасались эволюции Думы в аналог европейского парламента. Утверждалось, что Дума слишком увлеклась борьбой с правительством, погрязла в межфракционных склоках и неизбежно превращается в чуждый государственному строю России элемент парламентской демократии. При этом, явно выдавая желаемое за действительное, правые утверждали, что в сущности никаких серьезных изменений государственного строя России после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных законов 1906 г. не произошло. Н.Е. Марков утверждал, что монархия не утратила монополию на законодательную инициативу, поменялся лишь порядок ее осуществления (Марков, 2011: 143). Л.А. Тихомиров отмечал, что поскольку создание Основных законов 1906 г. было санкционировано императором, то возникшие учреждения не могут ограничивать свободу своего создателя. Князь В.П. Мещерский видел в Думе и обновленном Госсовете «поверенных» царской власти, а печатный орган СРН Н.Е. Маркова газета «Земщина» сравнивала новоиспеченный парламент с «судом присяжных», функция которого – помощь власти и следование в рамках правительственного курса (Глинка-Янчевский, 1912).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на серьезную эволюцию консервативной политической программы, правые остались верны ее ключевому принципу – монополии самодержавия на управление страной. В этом заключалась одновременно и сила, и слабость правой идеологии. Сила в том, что, как и предсказывали монархисты, в России синтез самодержавия и парламентаризма не получится. Оппозиция свергнет монархию – единственный залог целостности Российской империи, не справится с управлением и ввергнет страну в хаос. Слабость же в том, что верили в возможность сохранения абсолютной монархии в обществе, стремительно переходящем из аграрного состояния в индустриальное.

Под пристальным вниманием российских консерваторов начала XX в. находились и вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской империи. Рост национальных движений, обострение межэтнических и религиозных противоречий в начале XX в. стали реальностью не только на европейском континенте, но и в России. Позиции тех или иных политических групп правых сил по вопросам национально-конфессиональных отношений в Российской империи претерпевали значительные изменения в процессе движения по политическому спектру от крайне правых до национал-демократов. Однако всех без исключения российских правых начала XX в., независимо от партийной принадлежности, объединяли тезис о единой и неделимой Российской империи и взгляд на русский народ и православную веру как конституирующие элементы российской государственности. При этом монархистам был абсолютно чужд какой-либо шовинизм и уж тем более расизм. Принадлежность человека к нации в учении отечественного консерватизма определялась его принадлежностью к той или иной культуре, вере, исторической общности, но никак не вопросами крови.

Консерваторы выступали против уравнивания прав конфессий, осуждали думские поправки в вероисповедное законодательство (упрощение процедуры перехода из одной конфессии в другую и т.п.). Достаточно враждебным было отношение к католицизму и протестантизму, широко распространенным в западных окраинах империи. А вот мусульманское население, напротив, считали лояльным имперскому центру (Максимов, Файзуллин, 2018: 72–78). На Кавказе особым недоверием пользовались армяне за сильные национально-сепаратистские движения и экономическое доминирование в регионе. Кроме того, представители российской правой любили поговорить о притеснении русских инородцами. Правые указывали на большой процент евреев, поляков, немцев в финансовой, управленческой, академической элите России, превышающий их долю в общей численности населения империи (Савенко, 1913). Неотъемлемой чертой правой идеологии в России начала XX в. оставался ярко выраженный антисемитизм, степень выраженности которого, однако, менялась также в зависимости от принадлежности политика или идеолога к той или иной части спектра российской правой. Нередко и не всегда справедливо сетовали, что Россия – это империя наоборот, когда за счет изъятия ресурсов из метрополии осуществляется развитие национальных окраин (Правые партии..., 1998: 337). Гораздо реже правые предпочитали разбирать вопросы ограничения, а подчас и ущемления политических, культурных, религиозных и других прав нерусских и неправославных подданных Российской империи.

Вместе с тем не следует думать, что консерваторы совсем не осознавали важности национального вопроса в России и не уделяли ему какого-либо внимания (Иванов, 2016: 5–112). С известной долей условности относительно национального и тесно с ним связанного конфессионального вопросов можно выделить три подхода и, соответственно, три группы в российском правомонархическом движении начала XX в. Во-первых, это крайне правые. Эту группу

составляют лидеры и известные представители правых политических партий – Н.Е. Марков, В.М. Пуришкевич, А.И. Дубровин, В.А. Грингмут, прот. И.И. Восторгов, Г.Г. Замысловский и др. Они призывали ужесточить политику русификации как во внутренних (Поволжье, Сибирь и др.), так и во внешних (Польша, Финляндия и др.) национальных окраинах. Для них был характерен оголтелый антисемитизм, доходивший до предложения изгнать всех евреев из России. Нерусское и неправославное население империи могло рассчитывать лишь на незначительную культурную автономию. Пропагандировалось насаждение русского языка и православия в среде инородцев (Юрский, 1912: 111). Во вторую группу, касательно отношения к национальному вопросу, можно объединить националистов (члены партии Всероссийский национальный союз – М.О. Меньшиков, М.М. Ковалевский, С.В. Рухлов и др.) и национал-демократов (Т.В. Локоть, А.Л. Гарязин, Д.Н. Вергун, М.Я. Балясный и др.). Они высказывались не столько за русификацию окраин, сколько за защиту интересов русских как государствообразующего народа. Предлагалось бороться с засильем (как считали представители этой группы) инородцев в среде государственной, финансовой, культурной элиты империи (Чемакин, 2018: 55–78). Укоренять русский язык и веру в инородческой среде предполагалось не насильственными мерами, а пропагандой, предоставлением льгот перешедшим в православие. Эта группа консерваторов, единственная из всех, безоговорочно поддерживала национальную политику П.А. Столыпина, в т.ч. и в Западном крае (Ковалевский, 1912: 159–167). И наконец, третья группа консерваторов – это так называемые «имперцы». В национальном вопросе они выступали сторонниками лозунга «Россия – для русских подданных». Сюда можно отнести В.П. Мещерского, Л.А. Тихомирова, Г.А. Шечкова, К.Н. Пасхалова, И.И. Кольшко и др. Эти консерваторы полностью признавали государствообразующую роль русского народа, православной веры и Русской православной церкви, но призывали при определении статуса того или иного народа в рамках империи учитывать ряд его характеристик: численность, уровень развития культуры и самосознания, степень экономического развития и т.п. (Шечков, 1906: 21). Залогом единства империи должен был стать полинациональный состав государственной элиты (Кольшко, 1912).

Необходимо все же признать, что в разработке национального вопроса российские правые серьезно отставали от времени. Это отставание выразилось в таких аспектах их идеологии, как излишний упор на русификаторскую политику, антисемитизм, подмена социально-политических противоречий этническими и религиозными, недооценка силы национальных движений и сепаратистских настроений на окраинах. Но при этом не стоит забывать, что именно консерваторы более всех политических сил ратовали за сохранение русских культурных и этнических традиций, понимая роль последних в обеспечении единства многонационального государства.

5. Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо отметить следующее: Российский исторический процесс начала XX в., сопровождавшийся серьезными общественно-политическими сдвигами, оказал значительное влияние на эволюцию идеологии отечественного правомонархического движения. Начавшая формироваться еще в XIX столетии российская консервативная мысль была поставлена перед необходимостью искать ответы на новые вызовы. Без внятной идеологии консерватизм не смог бы играть сколько-нибудь заметную роль в политическом процессе. Он был призван выступить стабилизатором модернизационных процессов, протекавших с заметным ускорением во всех сферах российского общества начала XX столетия. Тем более что поначалу (особенно в годы революции 1905–1907 гг.) правомонархическое движение приобрело солидную социальную базу в лице недовольных радикальностью изменений представителей из всех слоев и социальных групп российского общества. Поэтому сильная сторона правой общественно-политической доктрины заключалась в том, что она наиболее остро показала и стремилась переосмыслить противоречия российской модернизации. Своеобразным коньком отечественных консерваторов стал анализ противоречий между традиционными для России общественными институтами, особенностями массового сознания, ценностями (самодержавие, сословия, аграрный строй, коллективизм и др.) и западными новациями (парламентаризм, классы, индустриализм, индивидуализм и др.). При этом правые упорно не хотели замечать позитивных сторон модернизации (рост промышленности, повышение грамотности, развитие науки и техники и др.), держались за архаичные (во всяком случае, для XX в.) институты – абсолютистское самодержавие, общину, сословно-корпоративные отношения.

Реальность все больше расходилась с общественно-политическим идеалом консерваторов. Будучи неспособными принять реальный исторический процесс, консерваторы все больше утрачивали на него влияние. К моменту крушения монархии правый лагерь находился в наиболее дезорганизованном состоянии по сравнению с другими политическими силами. Трагедия российских консерваторов начала XX в., вероятнее всего, заключалась в том, что они так и не смогли выработать целостной общественно-политической программы, реализация которой уберегла бы страну от издержек ускоренной модернизации. Однако и ставить им это в вину не совсем корректно, т.к. вопрос о степени эффективности функционирования западных политических, экономических, социальных и культурных образцов на русской почве остается открытым.

Литература

- Безгин, 2017** – *Безгин В.Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М: Ломоносовъ, 2017. 248 с.
- Бородкин, 2001** – *Бородкин Л.И.* Дивидендные бумаги на Петербургской бирже в 1900-х гг.: влияние Русско-японской войны и первой русской революции // *Экономическая история: Ежегодник*. 2001. М: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 242–268.
- Бутми, 1911** – *Бутми Г. В.* О финансах // *Прямой путь*. 1911. 13 апреля.
- Вязигин, 2008** – *Вязигин А.С.* Манифест созидательного национализма. М: Институт русской цивилизации, 2008. 400 с.
- Глинка-Янчевский, 1912** – *Глинка-Янчевский С.К.* По поводу и без повода // *Земщина*. 1912. 14 октября.
- Грингмут, 1908** – *Грингмут В.А.* История народовластия. М., 1908. 76 с.
- Гурко, 1909** – *Гурко В.И.* Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. 71 с.
- Иванов, 2006** – *Иванов А.А.* Последние защитники монархии: фракция правых IV Государственной Думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб: Дмитрий Буланин, 2006. 208 с.
- Иванов, 2016** – *Иванов А.А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб: Дмитрий Буланин, 2016. 511 с.
- Ковалевский, 1912** – *Ковалевский П.И.* Национализм и национальное воспитание в России. М., 1912. 198 с.
- Кольшко, 1912** – *Кольшко И.И.* Национальный вопрос // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1912. 13 марта.
- Коцюбинский, 2001** – *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М: Российская политическая энциклопедия, 2001. 528 с.
- Лукьянов, 2001** – *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001. 278 с.
- Максимов, Файзуллин, 2018** – *Максимов К.В., Файзуллин Н.Н.* Союз русского народа с мусульманами: о мусульманском вопросе в программе правых партий и участия мусульман в монархическом движении Уфимской губернии начала XX в. // *Образование и духовная безопасность*. 2018. № 1 (3). С. 72–78.
- Марков, 2011** – *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны темных сил. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 419 с.
- Меньшиков, 1912** – *Меньшиков М.О.* Последняя тайна // *Новое время*. 1912. № 2.
- Мещерский, 1905** – *Мещерский В.П.* Дневники // *Гражданин*. 1905. № 9.
- НИОР РГБ** – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Образцов, 1910** – *Образцов В.А.* Кто ловец? // *Прямой путь*. 1910. 5 февраля.
- Пасхалов, Шарапов, 1909** – *Пасхалов К.Н., Шарапов С.Ф.* Землеустроение или землераззорение. М., 1909. 200 с.
- Попов, 2005** – *Попов Э.А.* Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2005. 345 с.
- Правые партии..., 1998** – *Правые партии: Документы и материалы, 1905–1917 гг.* Т. 1. М: Российская политическая энциклопедия, 1998. 489 с.
- Репников, 2014** – *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М: Российская политическая энциклопедия, 2014. 528 с.
- Савенко, 1913** – *Савенко А.И.* Русский вопрос // *Киевлянин*. 1913. 18 декабря.
- Тихомиров, 1907** – *Тихомиров Л.А.* Самодержавие и народное представительство. М., 1907. 37 с.
- Тихомиров, 1909** – *Тихомиров Л.А.* Рабочий вопрос (практические способы его решения). М., 1909. 114 с.
- Тихомиров, 1912** – *Тихомиров Л.А.* К реформе обновленной России. М., 1912. 95 с.
- Тихомиров, 1998** – *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М, 1998. 677 с.
- Чемакин, 2018** – *Чемакин А.А.* Истоки русской национал-демократии. 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 650 с.
- Шарапов, 1908** – *Шарапов С.Ф.* Финансовое возрождение России. М., 1908. 77 с.
- Шечков, 1906** – *Шечков Г.А.* Сущность самодержавия. Харьков, 1906. 45 с.
- Щербатов, 1908** – *Щербатов А.Г.* Обновленная Россия. М., 1908. 120 с.
- Юрский, 1912** – *Юрский Г.* Правые в третьей Государственной Думе. Харьков, 1912. 153 с.
- Ярмонкин, 1908** – *Ярмонкин В.* Власть земли // *Гражданин*. 1908. № 8.

References

- Bezgin, 2017** – *Bezgin V.B.* (2017). Povsednevnyj mir russkoj krest'yanki perioda pozdnej imperii [Daily world of the Russian peasant of the period of the late empire]. М.: Lomonosov. 248 p. [in Russian]

- Borodkin, 2001** – *Borodkin L.I.* (2001). Dividendnye bumagi na Peterburgskoj birzhe v 1900-kh gg: vliyanie russko-yaponskoj vojny i pervoj russkoj revolyutsii [Dividend papers at the St. Petersburg exchange in the 1900th: influence of the Russian-Japanese war and first Russian revolution]. *Ehkonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik*. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. pp. 242-268. [in Russian]
- Butmi, 1911** – *Butmi G.V.* (1911). O finansakh [About finance]. *Pryamoj put'*. April 13. [in Russian]
- Vyazigin, 2008** – *Vyazigin A. S.* (2008). Manifest sozidatel'nogo natsionalizma [The manifesto of the creating nationalism]. M.: Institut russkoj tsivilizatsii. 400 p. [in Russian]
- Glinka-Yanchevskij, 1912** – *Glinka-Yanchevskij S.K.* (1912). Po povodu i bez povoda [Apropos and without cause]. *Zemshhina*. October 14. [in Russian]
- Gringmut, 1908** – *Gringmut V.A.* (1908). Istoriya narodovlastiya [History of the power of the people]. M. 76 p. [in Russian]
- Gurko, 1909** – *Gurko V.I.* (1909). Nashe gosudarstvennoe i narodnoe khozyajstvo [Our state and national economy]. SPb. 71 p. [in Russian]
- Ivanov, 2006** – *Ivanov A.A.* (2006). Poslednie zashhitniki monarkhii: fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoj dumy v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917) [Last defenders of the monarchy: fraction right the IV State Duma in the years of World War I (1914 – February, 1917)]. SPb.: Dmitry Bulanin. 208 p. [in Russian]
- Ivanov, 2016** – *Ivanov A.A.* (2016). Vyzov natsionalizma: Lozung «Rossiya dlya russkikh» v dorevolyutsionnoj obshhestvennoj mysli [Nationalism call: The slogan «Russia for Russians» in pre-revolutionary social thought]. SPb.: Dmitry Bulanin. 511 p. [in Russian]
- Kovalevskij, 1912** – *Kovalevskij P.I.* (1912). Natsionalizm i natsional'noe vospitanie v Rossii [Nationalism and national education in Russia]. M. 198 p. [in Russian]
- Kolyshko, 1912** – *Kolyshko I.I.* (1912). Natsional'nyj vopros [Ethnic question]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. March 13. [in Russian]
- Kotsyubinskij, 2001** – *Kotsyubinskij D.A.* (2001). Russkij natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossijskogo natsional'nogo soyuza [The Russian nationalism at the beginning of the XX century: Birth and death of ideology of the All-Russian national union]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 528 p. [in Russian]
- Luk'yanov, 2001** – *Luk'yanov M.N.* (2001). Rossijskij konservatizm i reforma, 1907-1914 [Russian conservatism and reform, 1907-1914]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 278 p. [in Russian]
- Maksimov, Fajzullin, 2018** – *Maksimov K.V., Fajzullin N.N.* (2018). Soyuz Russkogo Naroda s musul'manami: o musul'manskom voprose v programme pravyykh partij i uchastii musul'man v monarkhicheskom dvizhenii Ufimskoj gubernii nachala XX v. [The union of the Russian People with Muslims: about a Muslim question in the program of right-wing parties and participation of Muslims in the monarchic movement of the Ufa province of the beginning of the 20th century]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost'*. No 1(3). pp. 72-78. [in Russian]
- Markov, 2011** – *Markov N.E.* (2011). Dumskie rechi. Vojny temnykh sil [Duma speeches. Wars of powers of darkness]. M.: Institut russkoj tsivilizatsii. 419 p. [in Russian]
- Men'shikov, 1912** – *Men'shikov M.O.* (1912). Poslednyaya tajna [Last secret]. *Novoe vremya*. No 2. [in Russian]
- Meshherskij, 1905** – *Meshherskij V.P.* (1905). Dnevnik [Diaries]. *Grazhdanin*. No 9. [in Russian]
- NIOR RGB** – Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Research department of manuscripts of the Russian state library]
- Obraztsov, 1910** – *Obraztsov V.A.* (1910). Kto lovets? [Who hunter?]. *Pryamoj put'*. February 5. [in Russian]
- Paskhalov, Sharapov, 1909** – *Paskhalov K.N., Sharapov S.F.* (1909). Zemleustroenie ili zemlerazzorenie [Creation or destruction in agriculture]. M. 200 p. [in Russian]
- Popov, 2005** – *Popov E.A.* (2005). Russkij konservatizm: ideologiya i sotsial'no-politicheskaya praktika [Russian conservatism: ideology and socio-political practice]. Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 345 p. [in Russian]
- Pravye partii..., 1998** – Pravye partii: Dokumenty i materialy, 1905-1917 gg. T. 1. [Right-wing parties: Documents and materials, 1905-1917. Vol. 1]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 489 p. [in Russian]
- Repnikov, 2014** – *Repnikov A.V.* (2014). Konservativnye modeli rossijskoj gosudarstvennosti [Conservative models of the Russian statehood]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya. 528 p. [in Russian]
- Savenko, 1913** – *Savenko A.I.* (1913). Russkij vopros [Russian question]. *Kievlyanin*. December 18. [in Russian]
- Tikhomirov, 1907** – *Tikhomirov L.A.* (1907). Samoderzhavie i narodnoe predstavitel'stvo [Autocracy and national representation]. M. 37 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1909** – *Tikhomirov L.A.* (1909). Rabochij vopros (prakticheskie sposoby ego resheniya) [Working question (practical ways of his decision)]. M. 114 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1912** – *Tikhomirov L.A.* (1912). K reforme obnovlennoj Rossii [To reform of the updated Russia]. M. 95 p. [in Russian]

- [Tikhomirov, 1909](#) – *Tikhomirov L.A.* (1998). Monarkhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchic statehood]. M. 677 p.
- [Chemakin, 2018](#) – *Chemakin A.A.* (2018). Istoki russkoj natsional-demokratii. 1896-1914 gody [Sources of the Russian national democracy. 1896-1914]. SPb. Vladimir Dahl. 650 p. [in Russian]
- [Sharapov, 1908](#) – *Sharapov S.F.* (1908). Finansovoe vozrozhdenie Rossii [Financial revival of Russia]. M. 77 p. [in Russian]
- [Shechkov, 1906](#) – *Shechkov G.A.* (1906). Sushhnost' samodержaviya [Essence of autocracy]. Kharkiv. 45 p. [in Russian]
- [Shcherbatov, 1908](#) – *Shcherbatov A.G.* (1908). Obnovlennaya Rossiya [The updated Russia]. M. 120 p. [in Russian]
- [Yurskij, 1912](#) – *Yurskij G.* (1912). Pravye v tret'ej Gosudarstvennoj Dume [Right in the third State Duma]. Kharkiv. 153 p. [in Russian]
- [Yarmonkin, 1908](#) – *Yarmonkin V.* (1908). Vlast' zemli [Power of the earth]. *Grazhdanin*. No 8. [in Russian]

Российский консерватизм начала XX в.: между догмой, иллюзией и реальностью

Константин Николаевич Тарасов ^{a, *}, Елена Юрьевна Мокерова ^a,
Евгения Николаевна Немчанинова ^a, Екатерина Васильевна Быкова ^a

^a Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой анализ социально-политической программы российского правомонархического движения начала XX в. Изучение исторического опыта российских правых представляется весьма актуальным в современных условиях поиска оптимальных путей развития страны. Источниковую базу исследования составляют материалы ведущих правых периодических изданий, официальные документы монархических партий и организаций, документы личного происхождения. В центре исследования – изучение специфики соотношения и взаимовлияния идеологии и практики российского консерватизма под углом зрения его отношения к модернизационным процессам. Были проанализированы социально-экономические проекты российских консерваторов, политическая программа и национально-конфессиональная доктрина отечественного правомонархического движения начала XX в. Дана оценка степени влияния российского исторического процесса 1900–1917 гг. на эволюцию правой идеологии. Выявлены ее сильные и слабые стороны. Авторы пришли к выводу, что отечественный консерватизм периода поздней империи попытался сформулировать программу национально ориентированной модернизации страны, альтернативную более радикальным либеральной и социалистической. Сильная сторона правой идеологии заключалась в том, что она наиболее остро показала и стремилась переосмыслить противоречия российской модернизации. Однако выступить фактором стабилизации общественно-политического развития российские правые не смогли. Они недооценивали позитивные стороны модернизации, держались за архаичные социально-политические институты. Главными причинами поражения российской правой стали радикализация общественных настроений и активизация деятельности политической оппозиции, особенно в условиях военного времени. Будучи неспособными принять реальный исторический процесс, консерваторы все больше утрачивали на него влияние. К моменту крушения монархии правый лагерь находился в наиболее дезорганизованном состоянии по сравнению с другими политическими силами.

Ключевые слова: консерватизм, идеология, Российская империя, парламентаризм, традиция, модернизация, монархические партии, политический процесс.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tar-87@mail.ru (К.Н. Тарасов)